

СТАТЬИ

В. Н. ЗИНЬКО

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ

Рассмотрение вопросов греко-варварских контактов в период эллинской колонизации Боспора Киммерийского давно привлекает пристальное внимание исследователей. Считается практически общепризнанным, что на европейском побережье пролива в это время отсутствовало какое-либо стабильное туземное население [Шелов-Каведяев, 1985, с.53; Масленников, 1987, с.15; Виноградов, 2005, с.213], за исключением лишь редких появлений скифских номадов в результате «сезонных перекочевок из Приднепровья на зимние пастбища в Прикубанье» [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980]. Однако эта обобщенная картина вряд ли в полной мере отражает конкретную демографическую ситуацию в том или ином районе европейского побережья Боспора в первое столетие жизни эллинов на северо-восточной окраине ойкумены.

Появление первой волны эллинских переселенцев на суровых берегах Боспора Киммерийского датируется 580-560 гг. до н.э. [Зинько, 2011, с.3; библиография]. В это время на западный берег Керченского пролива выводятся несколько апойкий, в том числе и Тиритака. Это событие, на основании новейших археологических исследований, можно датировать не ранее 565-560 гг. до н.э. [Зинько, 2010, с.229]. Незначительные строительные остатки и отсутствие представительной выборки материалов из позднеархаических слоев не позволяли исследователям достаточно аргументированно рассматривать вопросы этнокультурного состава населения Тиритака на раннем этапе его истории. Однако предполагалось, что уже с первых шагов на чужой земле колонисты должны были как-то контактировать с аборигенами. Так, В.Ф.Гайдукевич, публикуя результаты раскопок тиритакского дома 540-480 гг. до н.э., особо отмечал присутствие среди вещей, отвечающих обычному греческому культурному обиходу, типичной «скифской» лепной чашки [Гайдукевич, 1952, рис.100,1]. Эту находку В.Ф.Гайдукевич считал весьма симптоматичной, т.к. она показывает, что в обиход боспорских греков стали проникать предметы местной культуры с очень ранней поры, и это как бы в миниатюре отражает «процесс культурного взаимодействия и взаимопроникновения, который затем будет проходить красной нитью через всю социально-

политическую и культурную историю Боспорского царства» [Гайдукевич, 1952, с.86].

Впоследствии, анализируя лепную керамику из ранних слоев Тиритаки, Е.Г.Кастанаян отмечала, что она занимала в обиходе жителей довольно скромное место, т.к. выходцы из варварской среды не могли составлять значительного контингента среди населения античного города [Кастанаян, 1981, с.111]. По мнению исследовательницы, эта ранняя лепная керамика делится на две группы: первая - нелощеная керамика, представлена горшками с округлым туловищем и отогнутым наружу краем с ямочным орнаментом. Такие сосуды, датируемые VI-IV вв. до н.э., находят ближайšie аналогии среди раннескифской керамики [Кастанаян, 1981, с.112]. Вторую группу лепной посуды составляла лощеная керамика с резным орнаментом, ближайшим районом распространения которой является горный и степной Крым, где сосредоточены таврские поселения [Кастанаян, 1981, с.113]. По мнению Е.Г. Кастанаян, в боспорский город уже с начала существования проникал какой-то незначительный процент негреческого населения - как скифского, так и таврского [Кастанаян, 1981, с.114]. Хотя ею же была особо отмечена лепная чашка, найденная в одном из помещений дома на участке XIV, о которой в свое время писал В.Ф.Гайдукевич, называя ее типично «скифской». Е.Г.Кастанаян полагает, что такие чашки характерны для меотского населения Прикубанья в VII-V вв. до н.э. [Кастанаян, 1981, с.56].

Суммируя результаты раскопок В.Ф.Гайдукевича, можно отметить, что основание Тиритаки им датировалось в пределах 550-540 гг. до н.э. В последней четверти (во второй половине) VI в. до н.э. начинается строительство сырцово-каменных домов. На рубеже VI-V в. до н.э. эти каменные постройки были обнесены крепостной стеной [Гайдукевич, 1952, с.89]. Вопрос о том, что представляли собой жилища первых греческих колонистов, остался открытым. Собственно, это и все, что было известно до недавнего времени о раннем этапе жизни Тиритаки.

Проводимые в настоящее время широкомасштабные раскопки Тиритаки не только существенно дополнили, но и дали качественно новые результаты. В первую очередь это касается самого раннего этапа, связанного с основанием греческой апойкии. В последние годы в центральной части Тиритаки (участок XXVI) вдоль восточного края высокой приморской террасы открыт ряд ранее не известных первых построек (рис.1-2) эллинских переселенцев, которые датируются второй третью VI в. до н.э. [Зинько, 2010, с.222-224]. Однако, помимо обломков привозных амфор и столовой посуды, фрагменты лепной керамики выявлены лишь в верхнем горизонте засыпи этих неприятельных сооружений.

Интересные результаты дали материалы палеоботанических исследований самых ранних построек. Во всех образцах основную массу составляют

зерновки двух зерновых культур - пшеницы голозерной и ячменя пленчатого с преобладанием зерновок ячменя. Количество зерновок других культурных растений очень незначительно. Это лишь единичные зерновки пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки, ячменя голозерного, проса и семян бобовых растений – вики эрвилли и чечевицы. Также единичны находки семян винограда культурного и сорных растений – щавеля воробьиного и мари белой [Зинько, Пашкевич, 2010, с.66]. Это соответствует тому факту, что греки на начальном этапе колонизации Северного Причерноморья выращивали две основные привезенные с собой зерновые культуры - голозерную пшеницу и ячмень пленчатый [Янушевич, 1986, с. 41, 46; Пашкевич, 2006].

Конечно, мы обладаем пока довольно фрагментарными данными о первых десятилетиях жизни переселенцев. Однако уже на их основании можно предположить как небольшую численность эллинских колонистов, так и вероятное отсутствие на первом этапе, в отличие от близлежащего Нимфея, каких-либо материально фиксируемых варварских этнических компонентов.

Лишь через несколько десятилетий после основания колонии начинается планомерная застройка Тиритаки сырцово-каменными домами с внутренними дворами. Начало этого второго этапа в жизни апойкии можно датировать около 530 гг. до н.э. [Зинько, 2011, с.10]. Еще В.Ф.Гайдукевич, основываясь на остатках сырцово-каменных домов в западной и восточной частях города, сделал заключение о широком заселении всего верхнего плато городища в позднеархаическое время [Гайдукевич, 1958, с.179]. Это предположение было подтверждено раскопками 2007 – 2010 гг., когда в центральной части Тиритаки на площади около 1000 кв. м были исследованы остатки ранней квартальной застройки из сырцово-каменных построек. Здесь открыто несколько городских усадеб (рис.3-4), которые состояли из ряда помещений и внутреннего двора. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора. Дома строились вплотную друг к другу и образовывали небольшие кварталы. Учитывая результаты прежних раскопок, площадь города в конце VI – начале V вв. до н.э. была около 5 га [Зинько, 2010, с.230]. За вычетом улиц и сооружений общественного назначения жилая застройка могла составлять около 3 – 3,6 га.

Общую численность населения Тиритаки в это время можно определить в пределах 2100-2900 человек. Это при модуле 7 – 8 человек на 100 кв.м жилой застройки [Крыжицкий, 1982, с.164]. Все это на порядок большее количество жителей, чем несколькими десятилетиями ранее. Учитывая то, что численность колонистов изначально составляла, вероятно, одну-две сотни семей, а демографическое удвоение населения происходит лишь через 50-60 лет, то рост числа жителей Тиритаки на втором этапе в значительной степени происходит за счет притока новых эллинских эмигрантов и в какой-то

мере окрестных варваров. Приток значительных масс новых переселенцев на Боспор из ионийских полисов был связан с завоеваниями персов в Малой Азии [Кошеленко, Кузнецов, 1992, с.23-24]. В то же время в результате разнообразных контактов с аборигенами начинает формироваться и незначительная группа несвободного варварского населения, в том числе и рабов [Зубарь, Зинько, 2006, с.36].

При исследовании слоев и построек Тиритаки последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э. были найдены в подавляющем большинстве многочисленные фрагменты привозных амфор и столовой посуды. Среди тары для вина и оливкового масла преобладали такие центры, как Хиос (рис.6), Лесбос, Северная Эгеида, Клазомены (рис.5), другие же: Фасос, Аттика, Милет, Коринф - представлены незначительным количеством фрагментов. Столовая посуда содержит находки расписной керамики различных южно- и североионийских центров, Аттики (рис.7), а также простых сероглиняных сосудов.

На 37 обломках привозных сосудов встречены граффити¹. Наряду с т.н. бытовыми граффити, найдены фрагменты чернолаковой посуды с остатками посвящений, свидетельствующих, по заключению А.С. Русяевой, о частном почитании божеств, среди которых предположительно установлен Аполлон Дельфиний - верховный покровитель Милета и милетских колонистов. На некоторых фрагментах аттических кубков полностью сохранились имена жителей Тиритаки, среди которых редкие греческие имена Антес (рис.8) и Пифоман. Кроме того, выделяются отдельные граффити в виде перекрещивающихся линий и символических знаков, а также нечитаемого набора букв и схематических рисунков, которые обычно связываются с магическими представлениями эллинов. Они относятся к наиболее ранним на Боспоре и в значительной степени пополняют эту разновидность сакральных граффити новыми типами. Исключительное место в аспекте изучения магических представлений боспорских эллинов занимает граффити с надписью и разнообразными схематическими рисунками и наколами на специально изготовленном для этой цели остраконе из донца чернолакового килика начала V в. до н.э. (рис.9).

По палеографии все граффити соответствуют датировке керамики последней трети VI - первой четверти V вв. до н. э. и связаны с исследованными строительными комплексами. С одной стороны, они свидетельствуют как о грамотности жителей ранней Тиритаки, так и о желании в той или иной форме запечатлеть умение писать; а с другой стороны, небрежное отношение к начертанию даже одной или двух букв, а также к магическим знакам и

¹ В настоящее время А.С. Русяевой подготовлена публикация этих граффити, за что я ей очень признателен.

рисункам. Лишь на предполагаемых посвящениях божествам тиритакцы более старательно и аккуратно прочерчивали слова.

В отличие от построек первого этапа в слоях и домах второго этапа было найдено уже и незначительное количество обломков лепных сосудов - не более 2-4 %. Они обычно достаточно невыразительны, но среди них можно выделить фрагменты различных видов горшков (рис.10), ковшей (рис. 11), кружек, кубков и мисок. Незначительное количество обломков лепной керамики украшено вдавленным орнаментом на внешней стороне венчика и прочерченным орнаментом – на тулове. В столь же малых количествах лепная керамика была ранее найдена в позднеархаических постройках и слоях В.Ф.Гайдукевичем [Кастанаян, 1952, с.251, рис.2-3]. Аналогичные группы лепной керамики была выявлены О.Д.Чевелевым и при исследовании небольшого раннего сельского поселения к западу от Тиритаки, которое датируется последней четвертью VI – первой четвертью V вв. до н.э. [Зинько, 2007, с.57-59]. Однако в количественном отношении лепной керамики по сравнению со столовой посуды здесь встречено несколько больше, чем в аналогичный период в городских слоях. Целый кизил-кобинский лощеный сосуд с геометрическим орнаментом известен и в одном из ранних варварских погребальных комплексов тиритакского некрополя. Это таврское погребение С.С.Бессонова датирует второй половиной VI – началом V вв. до н.э. [Безсонова, 1972, с.106].

Изменился на втором этапе и состав выращиваемых зерновых культур. Так, из помещения 1 большого тиритакского дома (СК–XXXIII) были взяты пробы с уровня пола и из слоя пожара, связанного с разрушением комплекса на рубеже первой-второй четверти V в. до н.э. В образце из слоя пожара среди черной пылевой массы преобладали зерновки пленчатой пшеницы однозернянки (*Triticum monocossum*), и почти втрое меньше здесь зерновок голозерной пшеницы. Несущественную примесь составляют зерновки пшеницы двузернянки, ячменя голозерного, проса. В образце, отобранном на полу, были семена вики эрвиллии (основная масса) и единично - гороха и чечевицы, зерновок пшеницы голозерной и пленчатого ячменя. Таким образом, основу находок в помещении 1 составляют зерновки пленчатой пшеницы однозернянки с примесью (около 30%) зерновок пшеницы голозерной и семена вики эрвиллии [Зинько, Пашкевич, 2010, с.72-74]. Выше уже говорилось о том, что на начальном этапе греческой колонизации в Северном Причерноморье в числе основных выращиваемых зерновых культур были голозерные пшеницы вместе с ячменем пленчатым и что этот ассортимент греки, вероятнее всего, привезли с собою. Появление значительного количества обугленных зерновок пшеницы однозернянки в слое пожара в помещении 1 можно объяснить, очевидно, налаживанием активных контактов с ближайшим местным населением. Это могли быть или скифы, или меоты,

или тавры. Причем в отличие от кочевых скифов, меоты и тавры, как известно, занимались земледелием. Те скромные данные, которые имеются в настоящее время, свидетельствуют, что эти племена использовали иной, чем греки, состав растений. Судя по археологическим материалам, тиритакцы, вероятно, могли заимствовать пшеницу однозернянку для своих посевов у представителей кизил-кобинских племен, издревна небольшими общинами проживавших в отдаленных районах восточно-крымского холмогорья.

В целом можно предполагать появление лишь на втором этапе (последняя треть VI – первая четверть V вв. до н.э.) среди эллинского населения Тиритаки небольших групп представителей варварских племен, пользующихся лепной керамикой, характерной для той или иной археологической культуры. Среди этого туземного населения можно выделить (судя по лепной керамике) представителей кизил-кобинской культуры, скифской культуры, в меньшей степени меотской и, возможно, фракийской культур. Это определенным образом отличает Тиритаку от близлежащих эллинских колоний, где изначально констатируется присутствие варваров. Так, детальный анализ лепной керамики из позднеархаического слоя Нимфея позволил С.Н. Сенаторову выявить присутствие фрагментов посуды, начиная с эпохи средней бронзы и заканчивая последней четвертью VI в. до н.э. [Сенаторов, 1999, с.65]. Исследователь пришел к выводу о том, что на месте, где позднее был основан Нимфей, длительное время существовало варварское поселение. Причем количественное преобладание на участке «С» фрагментов лепной кизил-кобинской посуды VIII - первой половины VI вв. до н.э. над греческой керамикой второй-третьей четверти VI в. до н.э. может даже свидетельствовать о совместном проживании греков и варваров на территории Нимфея в первой половине VI в. до н.э. [Сенаторов, 2006, с.147]. Позднее, в середине - третьей четверти VI в. до н.э., здесь в землянках все еще проживали носители кизил-кобинской культуры [Бутягин, 1999, с.114]. И в этих комплексах доля лепных сосудов достигает около трети от всей керамики. В Мирмекии процент лепной посуды в составе керамического материала возрастает к середине VI в. до н.э. примерно до 20% от неамфорной тары, после чего постепенно снижается вплоть до конца столетия, составляя чуть более 10%. Первоначальное разнообразие типов, среди которого встречаются фрагменты керамики, характерной как для кизил-кобинской культуры, так и Прикубанья, уменьшается фактически исключительно до горшков типа 1, по К.К. Марченко [Бутягин, 2011, с.37-38].

Возведенные в Тиритаке дома с некоторыми перестройками просуществовали до первых десятилетий V в. до н.э., когда и погибли в результате сильного пожара на рубеже первой-второй четверти V в. до н.э. (рис.12). Причем какой-то катаклизм, сопровождаемый пожаром, происходил на Тиритаке и ранее - в конце VI в. до н.э., после чего город и был

обнесен сырцово-каменной крепостной стеной. В.Ф. Гайдукевич полагал, что ранняя стена Тиритаки была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию города конных групп степных кочевников [Гайдукевич, 1952, с.89]. В первой четверти V в. до н.э. гибнет в пожаре и раннее сельское поселение к северозападу от Тиритаки [Зинько, 2007, с. 59].

Все это, вероятно, можно связывать с появлением в конце VI - начале V вв. до н.э. в степном Крыму новой волны близкородственных скифам номадов [Алексеев, 1992, с.38], известных по письменным источникам как сколоты или «царские» скифы. Об усилении скифского присутствия в районе Боспора Киммерийского, возможно, свидетельствует и сообщение Ктесия Книдского о пленении брата скифского царя во время морской экспедиции каппадокийского сатрапа Ариарамна [Ctesias Cnid., 16]. Вероятно, в конце VI в. до н.э. какая-то группа скифов обитала более или менее постоянно у побережья пролива [Масленников, 1999, с.175]. С начала V в. до н.э. на территории городского некрополя Нимфея, как и на его сельской округе появляются курганные погребения скифского облика. На некрополе Нимфея было выделено до десятка захоронений со скифскими чертами в обряде, самое раннее из которых, по мнению Л.Ф. Силантьевой, датируется первой половиной V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с.87, сл.]. Прекращаются погребения с несомненно скифскими чертами на городском некрополе Нимфея в начале последней четверти V в. до н.э. [Зинько, 2003, с.41]. Однако в ближайших окрестностях Тиритаки отсутствуют какие-либо археологические объекты (в первую очередь погребальные комплексы), которые могли бы свидетельствовать о присутствии здесь кочевых скифов в V в. до н.э., в отличие от территории южного соседа - Нимфейского полиса.

На протяжении всей ранней истории население Тиритаки сохраняет определенную этническую однородность. Судя по материалам исследований, лишь с последних десятилетий VI в. до н.э. можно предполагать проникновение в состав жителей боспорского города довольно незначительного количества варваров. Хотя на поселениях сельской округи Тиритаки их, возможно, было несколько больше. Позднее, войдя в боспорское объединение во главе с тиранами Пантикапея, Тиритака до конца V в. до н.э. становится крайним южным крепостным форпостом нового государственного образования. Это, вероятно, в какой-то мере не способствовало проникновению в состав его населения значительных групп варваров, вожди которых в это время на европейском побережье Боспора Киммерийского контактируют в первую очередь с Нимфеем и Пантикапеем.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю.* Скифские хроники (Скифы в VII-I вв. до н.э.). – СПб., 1999.
- Безсонова С.С.* Таврське поховання з некрополя Тірітаки //АДУ 1969. – Вип. IV. – К., 1972.
- Бутягин А.М.* Особенности домостроительства архаического Боспора // Боспорский феномен. Материалы конференции. – СПб., 1999.
- Бутягин А.М.* Мирмекий: малый город Боспора в зеркале варварского влияния // Материалы XII Боспорских чтений. – Керчь, 2011.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов //ВДИ. - № 4. – 1980.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский //Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб, 2005.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. - № 25. – М.-Л., 1952.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. - № 85. – М.-Л., 1958.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея //БИ. – Вып. IV. - С. - Керчь, 2003.
- Зинько В.Н.* Поселения VI в. до н.э. Европейского побережья Боспора Киммерийского //БИ. – Вып. V. – С. - Керчь, 2004.
- Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) // БИ. - Вып. XV. – С. - Керчь, 2007.
- Зинько В.Н.* Основание и становление Тиритаки //ДБ. – Вып.14. – М., 2010.
- Зинько В.Н.* Эллинская колонизация Восточного Крыма //БИ. – Вып. XXV. – С.- Керчь, 2011.
- Зинько В.Н.* Греки и варвары на берегах пра-Чурбашского залива в VI-V вв. до н.э. //Боспорские чтения. – Вып. XII. – С.- Керчь, 2011а.
- Зинько В.Н., Пашкевич Г.А.* Палеоботанические материалы ранних комплексов Тиритаки // БИ. – Вып. XXIV. – С.- Керчь, 2010.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории //БИ. – Вып. XII. – 2006.
- Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки //МИА. – Вып. № 25. – М.-Л., 1952.
- Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика боспорских городов. – М., 1981.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) //ОАИБ. – М., 1992.
- Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – К., 1982.
- Масленников А.А.* Основные этапы этнической истории европейского Боспора //Киммерийцы и скифы. Тез. докл. семинар. – Ч. II. - Кировоград, 1987.
- Масленников А.А.* Греки и варвары на «границах» Боспора (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) //Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы историколингвистики. – М., 1999.
- Сенаторов С.Н.* О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея //Боспорский город Нимфей. – СПб, 1999.
- Сенаторов С.Н.* Лепная керамика эпохи бронзы – раннего железа из Нимфея //Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. – СПб, 2006.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея //МИА. – 69. – М.-Л., 1959.
- Пашкевич Г.А.* Современное состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса // Херсонесский сборник – вып. XV, 2006.
- Шелов-Каведьяв Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв до н.э. //Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. - М., 1985.
- Янушевич З.В.* Культурные растения Северного Причерноморья //Палеоэтноботанические исследования. – Кишинев: Штиинца, 1986.

В.М. Зінько

ДО ПИТАННЯ ПРО НАСЕЛЕННЯ
ПІЗНЕАРХАЇЧНОЇ ТИРИТАКИ

Резюме

Поява першої хвилі еллінських поселенців на суворих берегах Боспору Киммерійського датується 580-560 рр. до н.е. В той час на східному березі Керченської затоки виводиться декілька апойкій, в тому числі і Тиритака. Цю подію на підставі новітніх археологічних досліджень можна датувати не раніше 565-560 рр. до н.е. На підставі новітніх розкопів виділяються два етапи в житті пізнеархаїчної Тиритаки: 1 – друга третина VI ст. до н.е.; 2 – остання третина VI – перша чверть V ст. до н.е. В останні роки у центральній частині Тиритаки (ділянка XXXVI) вздовж східного краю високої приморської тераси відкрито ряд раніше невідомих перших споруд еллінських поселенців, які датуються другою третьиною VI ст. до н.е. На підставі досліджень можна припустити як невелику численність еллінських колоністів, так і відсутність на першому етапі, на відміну від навколишнього Німфею, якихось варварських етнічних компонентів. Ці висновки підтверджують і результати палеоботанічних досліджень самих ранніх споруд.

Лише на другому етапі серед еллінського населення Тиритаки фіксується поява невеликих груп представників варварських племен, які користувалися ліпною керамікою, характерною для тієї або іншої археологічної культури. Серед цього туземного населення можна виділити представників кизил-кобинської культури, скіфської культури, у меншому ступені меотської та, можливо, фракійської культур. Також змінюється і склад вирощуваних зернових культур. Все це певним чином відрізняє Тиритаку від навколишніх еллінських колоній, де споконвічно констатується присутність варварів.

В. Н. Зинько

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ
ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ

Резюме

Появление первой волны эллинских переселенцев на суровых берегах Боспора Киммерийского датируется 580-560 гг. до н.э. В это время на западном берегу Керченского пролива выводится несколько апойкий, в том числе и Тиритака. Это событие, на основании новейших археологических исследований, можно датировать не ранее 565-560 гг. до н.э. На основании новейших раскопок выделяются два этапа в жизни позднеархаической Тиритаки: 1- вторая треть VI в. до н.э.; 2 – последняя треть VI – первая четверть V в. до н.э. В последние годы в центральной части Тиритаки (участок XXVI) вдоль восточного края высокой приморской террасы открыт ряд ранее не известных первых построек эллинских переселенцев, которые датируются второй третью VI в. до н.э. На основании исследований можно предположить как небольшую численность эллинских колонистов, так и отсутствие

на первом этапе, в отличие от близлежащего Нимфея, каких-либо варварских этнических компонентов. Эти выводы подтверждают и результаты палеоботанических исследований самых ранних построек.

Лишь на втором этапе среди эллинского населения Тиритаки фиксируется появление небольших групп представителей варварских племен, пользующихся лепной керамикой, характерной для той или иной археологической культуры. Среди этого туземного населения можно выделить представителей кизил-кобинской культуры, скифской культуры, в меньшей степени меотской и, возможно, фракийской культур. Также изменяется и состав выращиваемых зерновых культур. Все это определенным образом отличает Тиритаку от близлежащих эллинских колоний, где изначально констатируется присутствие варваров.

V.N. Zinko

TO THE QUESTION ABOUT THE POPULATION OF THE LATE ARCHAIC TYRITAKE

Summary

Appearance of the first wave of Hellenic settlers to the severe shores of the Cimmerian Bosphorus is dated to 580-560 yrs. BC. At that time several apoikias, including Tyritake, were displayed on the western shore of the Kerch Strait. This event can be dated no earlier than 565- 560 yrs. BC on the basis of the latest archaeological research. Data of the latest excavations can distinguish two stages in the life of the late archaic Tyritake: 1 – the second third of the 4th century BC; 2 – the last third of the 6th – the first quarter of the 5th century BC. In recent years a number of previously unknown buildings of first Hellenic settlers, which are dated to the second third of the 6th century BC, have been discovered in the central part of Tyritake (site 26) along the eastern edge of a high coastal terrace. On the basis of studies we may suggest a small number of Hellenic colonists and the absence of any barbaric ethnic component here at the first stage unlike in the nearby Nymphaion. Results of paleobotanical studies of the earliest buildings confirm these conclusions.

Appearance of small groups of representatives of the barbarian tribes, who used molded pottery characteristic for a particular archaeological culture, among Hellenic population of Tyritake is recorded only at the second stage. It is possible to select representatives of Kyzil-Koba culture, Scythian culture, to a lesser extent Meotian culture and, perhaps, Thracian culture among the indigenous population. Cultivated crops also varied. All these features in some way distinguish Tyritake from the surrounding Hellenic colonies, where the presence of the barbarians is stated.

Рис.1. Раскоп XXVI, полуземлянка № 1. Вид сверху.

Рис.2. Раскоп XXVI, полуземлянка № 3. Вид с юга.

Рис.3. Восточная часть раскопа XXVI, постройки последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э.

Рис.4. Центральная часть раскопа XXVI, помещения и двор дома (СК-XXXIII) последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э.

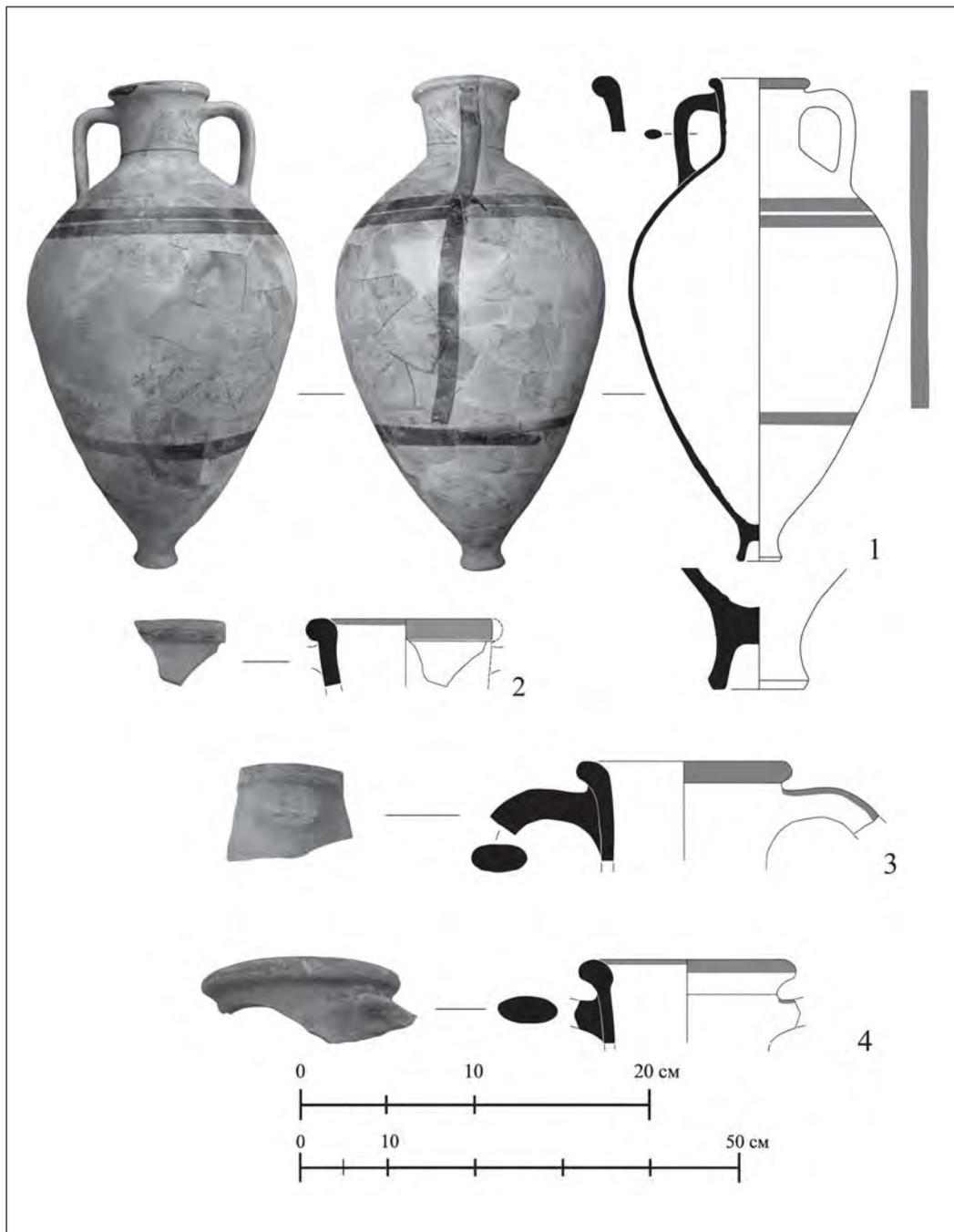

Рис.5. Раскоп XXVI, клазоменские амфоры последней трети VI – начала V вв. до н.э. Составила А.В. Буйских.

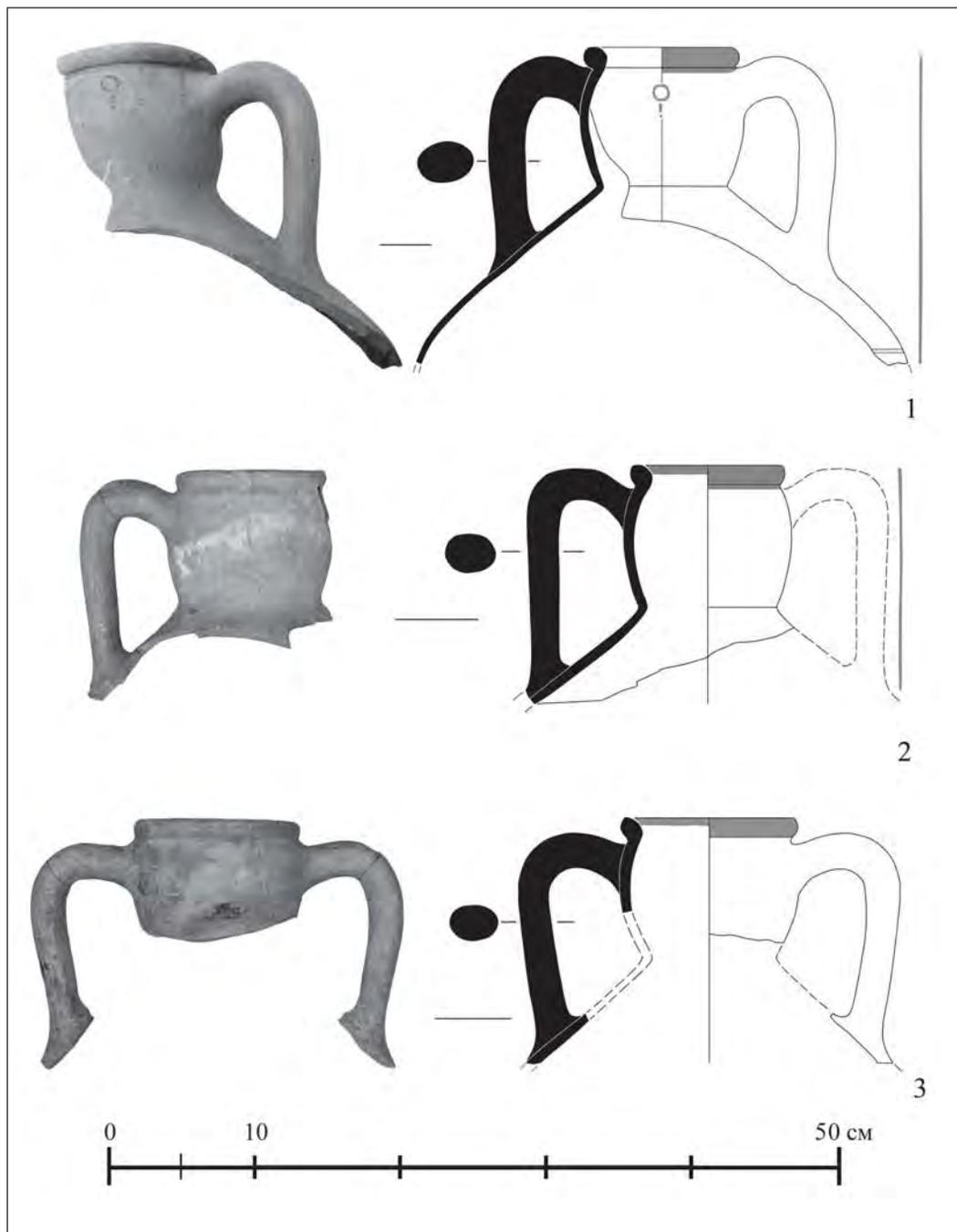

Рис.6. Раскоп XXVI, фрагменты хиосских пухлогорлых амфор последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э. Составила А.В. Буйских.

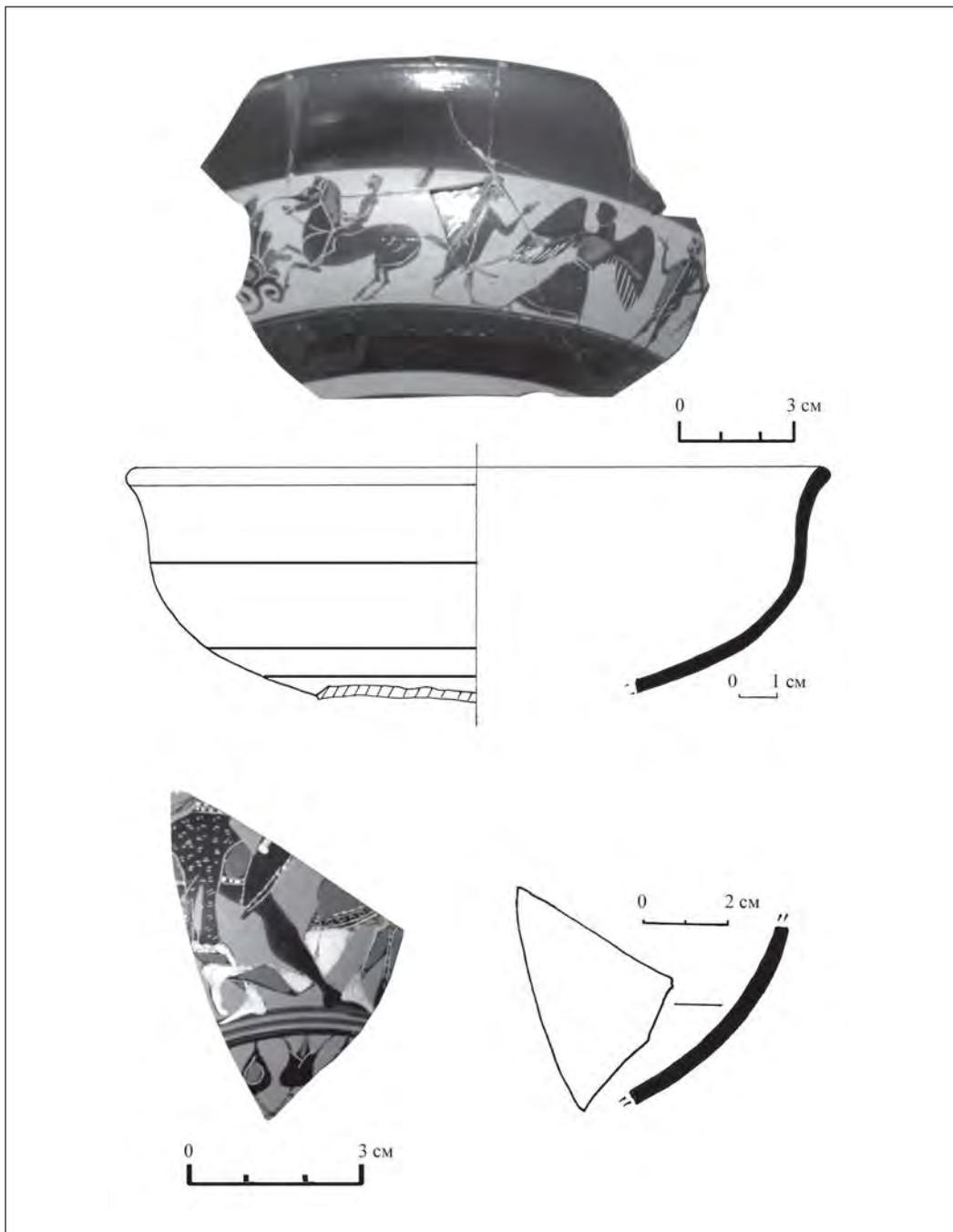

Рис.7. Чернофигурная аттическая керамика из помещения IV СК-XXXIII. 1 – кубок 540-520 гг. до н.э.; 2 - фрагмент кубка последней четверти VI в. до н.э.

Рис.8. Граффити с именем Антес на дне аттического чернолакового килика.

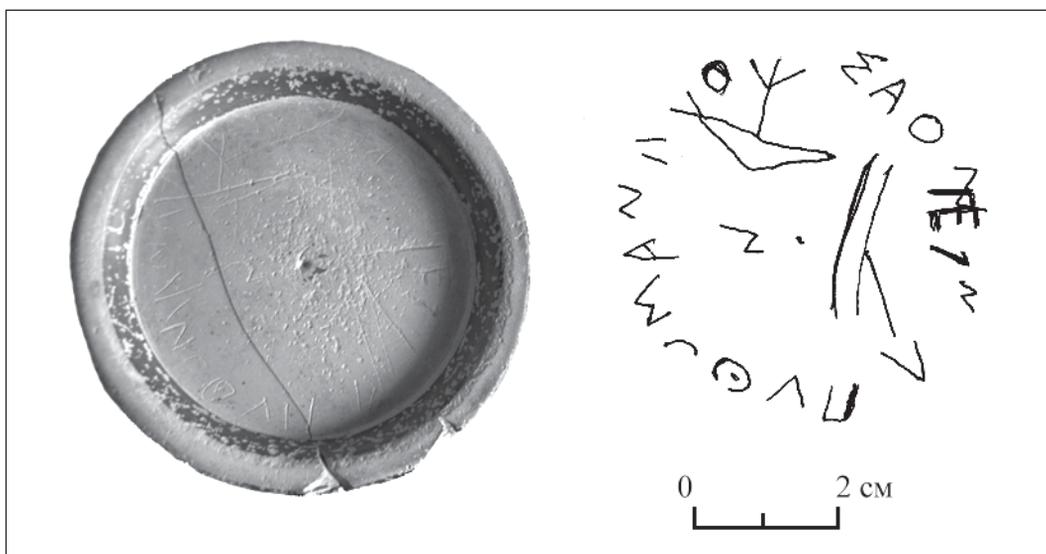

Рис.9. Магическое граффити на остраконе из донца чернолакового аттического килика начала V в. до н.э.

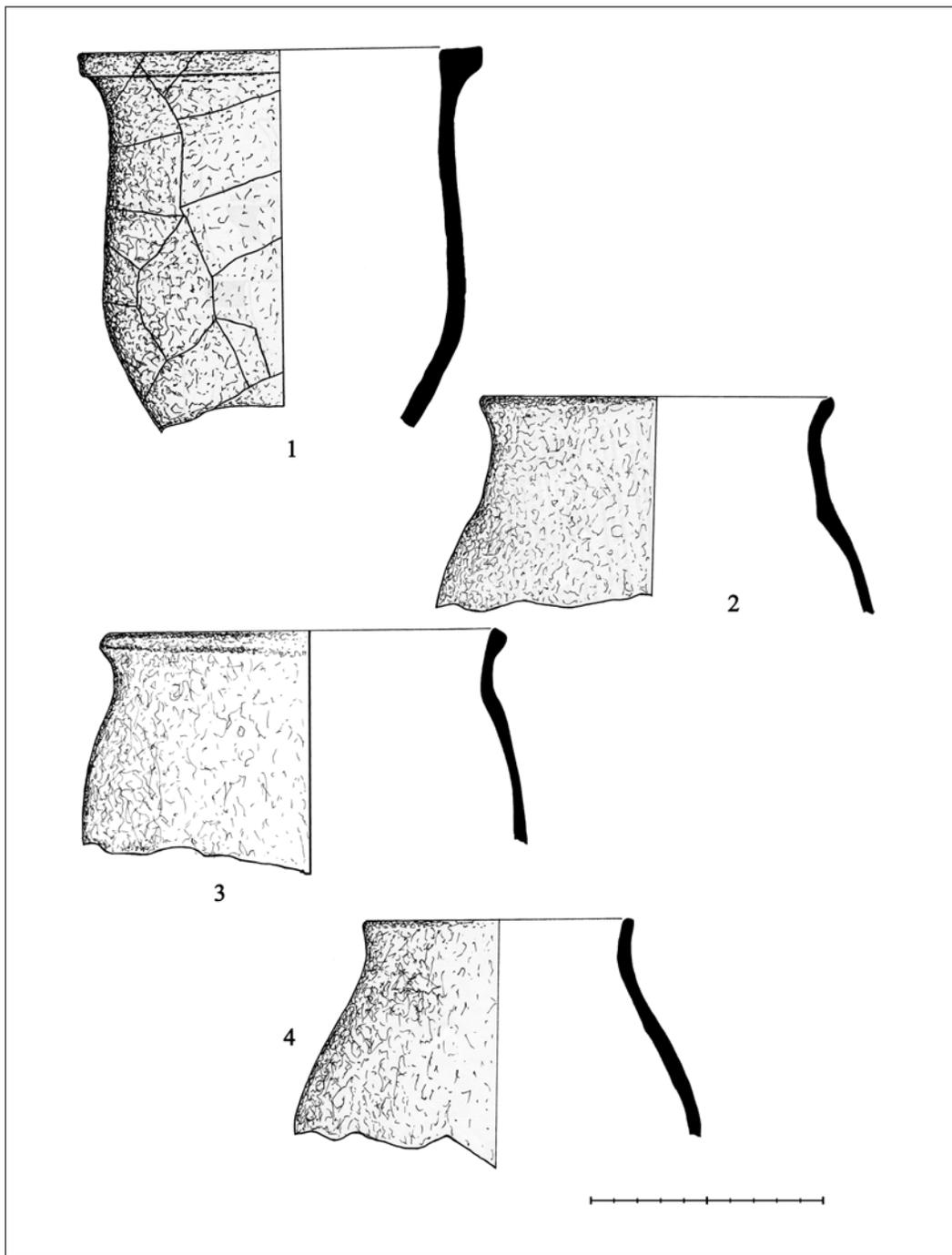

Рис.10. Раскоп XXVI, лепные горшки: 1- тип 1; 2-4 – тип 2. Составил М.А. Котин.

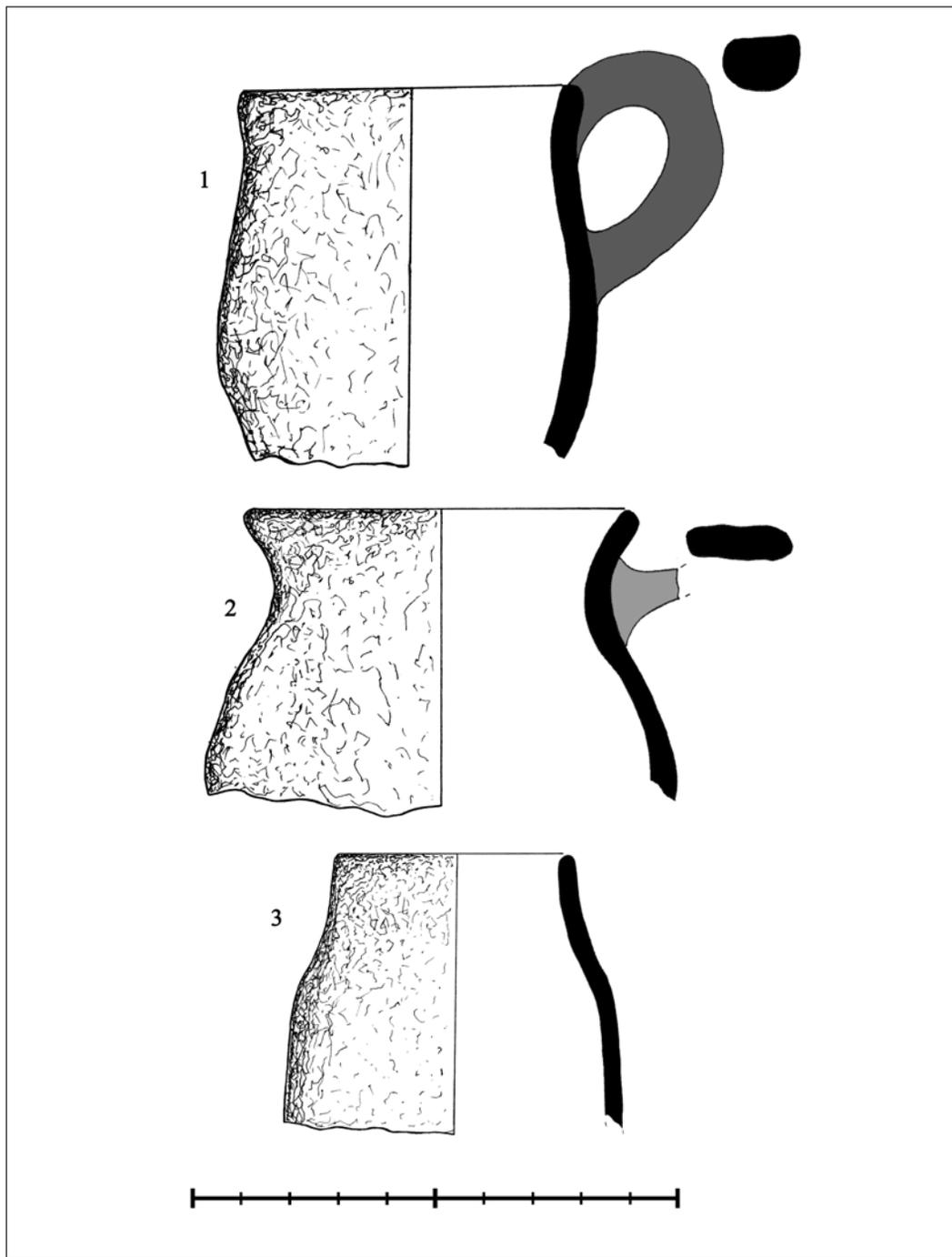

Рис.11. Раскоп XXVI, лепная керамика: 1-2 – кружки; 3 – кубок. Составил М.А. Котин.

Рис.12. Слой пожара конца первой четверти V в. до н.э. в южном борту раскопа XXVI, перекрывающего сырцово-каменную стену помещения 3 СК-XXXIII.